

Конни Уиллис

Проклятие королей

Это было Проклятие. Оно лежало на всех нас, хотя мы об этом ничего не знали. Лако топтался рядом с моей клеткой и вслух читал надпись на печати гробницы, не зная, кому адресовано предупреждение. Санд, который стоял на черном горном хребте и смотрел, как горят трупы, тоже не ведал, что уже стал жертвой Проклятия.

О Проклятии знала принцесса, десять тысяч лет назад повернувшая голову к стене гробницы последним, полным отчаяния движением. И Эвелин, заживо сжираемая Проклятием, тоже знала. Она пыталась сказать мне об этом в последнюю ночь на Колхиде, когда мы ждали прибытия корабля. Тогда электричество снова отключилось. Лако зажег керосиновую лампу и придвинул ее к переводчику, чтобы я мог видеть кнопки управления. Голос Эвелин было так трудно уловить, что приходилось все время регулировать переводчик. Лампа освещала только небольшое пространство рядом со мной. Лако, наклонившийся над гамаком, оставался в полной темноте.

Бейя, которая прислуживала Эвелин, сидела рядом с лампой, уставившись на красноватое пламя. Рот у нее был приоткрыт, черные зубы поблескивали. Мне казалось, что бейя вот-вот сунет руку в огонь, но она сидела тихо. Пыльный воздух был совершенно неподвижен; даже пламя лампы не колебалось.

— Эви, - сказал Лако, - у нас совсем нет времени. Воины Санда доберутся сюда еще до рассвета и не оставят в живых никого.

Эвелин что-то произнесла, но переводчик ничего не сумел уловить.

— Поднеси микрофон поближе, - сказал я. - Не могу отрегулировать.

— Эви, - повторил Лако. - Нужно, чтобы ты рассказала, что случилось. Ты можешь сделать это для нас, Эви? Скажи нам, что произошло.

Она попробовала еще раз. Я увеличил мощность до предела. Теперь переводчик различил звук, но посчитал его помехами. Эвелин закашлялась, и этот ужасный резкий звук переводчик передал как стон. Я взмолился:

— Бога ради, подключи ее к аппарату искусственного дыхания.

— Не могу. Блок питания сел.

«Тогда надо подключить другой, - подумал я, - а ты уже использовал все удлинители». Но вслух этого не произнес. Потому что, если он подключит ее к аппарату, придется вырубить холодильник.

— Тогда дай ей воды.

Он взял бутылку из-под колы с ящика рядом с гамаком, опустил в нее трубочку, нагнулся в темноте и приподнял голову Эвелин, чтобы она могла попить. Я выключил переводчик. Было тяжело слышать, как она пытается что-то произнести. Ну а следить за тем, как она пробует пить, было и вовсе невыносимо.

Казалось, прошел целый час. Наконец Лако поставил бутылку из-под колы на ящик и заговорил:

— Эвелин, мы хотим услышать, что случилось. Ты была в гробнице? Я снова включил переводчик и поднес палец к кнопке записи. Пока что не было смысла записывать мучительные звуки.

— Проклятие, - вдруг ясно произнесла Эвелин, и я нажал кнопку. - Не открывай... Не открывай! - Замолчала, пытаясь подавить кашель. - Кагодень?

«Какой сегодня день?» - слышалось из переводчика.

Она снова попыталась справиться с кашлем. Лако взял бутылку, вытащил трубочку и отдал бутылку бейе.

– Сходи за водой.

Маленькая бейя встала, не отрывая взгляда черных глаз от пламени, и взяла бутылку.

– Быстро, - приказал Лако.

– Быстро, - сказала Эвелин. - Раньше бейи.

– Вы вскрыли гробницу, когда бейя пошла к Санду?

– Не открывай ее. Прости. Не знала.

– Не знала чего, Эвелин?

Бейя все еще не тронулась с места - глядела, как завороченная, на пламя лампы; рот ее был приоткрыт, виднелись блестящие черные зубы. Я посмотрел на толстую пластиковую бутылку, которую она держала в грязных ручках. Трубочка была вся изжевана - ее изуродовала Эвелин, когда пила воду.

– Быстро, - произнесла Эвелин в гипнотической тишине, и маленькая бейя посмотрела на гамак, словно только что очнулась, затем выбежала из комнаты с бутылкой из-под колы в руке. - Быстро. Какой сегодня день? Должны спасти сокровище. Он убьет ее.

– Кто, Эвелин? Кто убьет? Кого убьет?

– Мы не должны были входить внутрь, - проговорила она и вздохнула со звуком, похожим на скрип песка под ногой. - Берегись. Проклятие королей.

– Эвелин повторяет то, что написано на дверной печати, - сказал

Лако, выпрямляясь. - Они спускались в гробницу. Надеюсь, ты это записал?

– Нет. - Я нажал кнопку «стереть». - Она все еще под воздействием дилаудида. Когда начнет говорить осмысленно, запишу.

– Комиссия решит в пользу Санда, - сказал Лако. - Хауард клялся, что они не входили в гробницу, а ждали Санда.

– Какая разница? - возразил я. - Эвелин погибнет и не сможет свидетельствовать на слушаниях комиссии. Да и нас не будет, если Санд со своими солдатами окажется здесь раньше, чем придет корабль, так что какая, к дьяволу, разница? И сокровищ тоже не окажется, когда сюда доберется Комиссия... зачем же записывать?

– Но если в гробнице все-таки что-то присутствовало? Если это вирус?

– Ерунда, - отмахнулся я. - Санд их отравил. Если это вирус, почему не заболела бейя? Ведь она находилась с ними в гробнице, правда?

– Быстро! - произнес кто-то, и мне на мгновение показалось, что говорит Эвелин. Но это оказалась бейя. Она вбежала в комнату, расплескивая воду из бутылки.

– Что случилось? - спросил Лако. - Прибыл корабль? Бейя схватила его за руку.

– Быстро! - выпалила она снова и потащила его за собой по длинному залу, забитому контейнерами.

– Быстро, - как эхо, повторила Эвелин.

Я подошел и наклонился над гамаком. Во тьме почти не было видно ее лица; это облегчало задачу. Заставив себя разжать кулаки, я сказал:

– Это Джек, Эвелин. Я, Джек.

– Джек, - повторила она.

Звуки были почти неразличимы, хотя Лако прицепил микрофон к пластиковой ткани у самой шеи Эвелин. Она быстро слабела и снова начала хрипеть. Ей был необходим укол морфия. Тогда станет легче дышать, но если дать морфий сразу после дилаудида, она вырубится.

– Я передал записку Санду, - сказал я, наклоняясь, чтобы расслышать ответ. - Эвелин, что было в записке?

– Джек, - выговорила она. - Какой сегодня день? Пришлось задуматься. Казалось, я пробыл здесь несколько лет.

– Среда.

– Завтра, - произнесла она. Закрыла глаза и облегченно вытянулась.

Я не собирался ничего из нее выуживать. Надел пластиковые перчатки, открыл коробку с принадлежностями для инъекций. Морфий отключит Эвелин через несколько минут, она

освободится от боли и, может быть, придет в себя.

Ее рука свешивалась с койки. Я придвинул лампу поближе и стал искать место для укола. Всю руку покрывала сеть белых наростов, похожих на пчелиные соты; некоторые выступали над кожей сантиметра на два. С тех пор как я впервые увидел Эвелин, наросты стали мягче и толще. Тогда они были тонкими и острыми, словно бритва. Не могло быть и речи о том, чтобы отыскать вену, но я заметил, как от тепла керосиновой лампы небольшой участок кожи на предплечье стал податливей, пятигранные соты почти исчезли, и мне удалось ввести иглу.

Я дважды тыкал иглой, наконец в ямку вокруг места укола потекла кровь. Несколько капель упало на пол. Я огляделся, но вытереть кровь было нечем - еще утром Лако использовал остатки ваты. Пришлось воспользоваться страничкой из блокнота.

Вернулась бейя - нырнула мне под локоть, держа кусок пластиковой ткани. Я сложил бумажку, бросил на пластик. Бейя осторожно, чтобы не касаться крови, свернула ткань, соорудив подобие пакета. Я молча наблюдал за ней.

– Джек, - выговорила Эвелин, - ее убили.

– Убили? - переспросил я, выключив запись. - Кого убили, Эвелин?

– Принцессу. Ее убили. Из-за сокровищ.

Сказывалось действие морфия. Речь стала внятной, но Эвелин явно несла чушь. Никто не убивал принцессу, она умерла десять тысяч лет назад. Я нагнулся пониже.

– Эвелин, что было в записке, которую ты мне дала, чтобы я отнес Санду?

Свет включился. Она прикрыла лицо рукой, словно хотела спрятаться.

– Убили бейю Санда. Должны были. Чтобы спасти сокровища. Я взглянул на маленькую бейю. Она все еще держала пластиковый сверток, вертела туда-сюда. Руки ее казались грязными.

– Никто не убивал бейю, - возразил я. - Вот она.

Эвелин уже не слышала меня. Рука, закрывавшая лицо, расслабилась и соскользнула на грудь. Там, где рука прижималась ко лбу и щеке, на восковой коже остались глубокие отпечатки. Пятигранные соты на пальцах разгладились, и стало заметно, до чего она исхудала - кожа обтягивала косточки.

Эвелин открыла глаза и отчетливо произнесла:

– Джек... - В ее голосе сквозила такая безнадежность, что я выключил переводчик. - Слишком поздно...

За моей спиной появился Лако, поднял полог и требовательно спросил:

– Что она говорит?

– Ничего, - ответил я, стащил с себя пластиковые перчатки и бросил их в ящик, куда мы отправляли все, чего касалась Эвелин. Бейя вертела в руках сверток с бумагой, испачканной кровью Эвелин. Я забрал сверток и тоже кинул в ящик. - Бредит. Я сделал ей укол. Корабль здесь?

– Нет. Но здесь Санд.

– Это Проклятие, - произнесла Эвелин.

Но тогда я не поверил.

К тому времени когда пришло сообщение от Лако, я уже накатал восемь столбцов о Проклятии и вместе с группой Лиси был на полпути через бесконечную пустыню на Колхиде. У меня как раз иссякли истории о невероятных находках группы, представлявших собою два глиняных горшка и кучку черных костей. Два горшка - это больше, чем группа Хауарда обнаружила в Спайни за пять лет, и меня донимали по прямой линии связи, чтобы я уехал на ближайшем рейсовом корабле.

Я не думал, что они станут держать Брэдстрита на планете столь долго. Если

кто-нибудь найдет сокровище, за которым все гоняются, на Колхиде тут же обнаружится «горячая линия» и первой передаст сногшибательные новости. А пока можно публиковать хорошие репортажи, из которых - когда состоится наконец событие века - будет видно, что я в надлежащее время оказался в надлежащем месте. Поэтому я помчался на север, чтобы сварганить репортаж о ерундовом побоище между сугундули, а оттуда - к группе Лиси.

Когда иссякла тема горшков, я принялся писать о Проклятии.

Собственно, никакого особого Проклятия не ощущалось - ни убийств, ни лавин, ни таинственных огней, - но каждый раз, когда кто-то подворачивал ногу или кого-нибудь кусали кхраны, я выжимал из этого «события» по меньшей мере четыре столбца.

После появления первой статьи, озаглавленной «Проклятие королей», Хауард прислал мне через Спайни такое послание: «Проклятие должно быть в том же месте, что и сокровище, Джек!».

Я ответил: «Если сокровище там, почему же я торчу здесь? Найди что-нибудь, чтобы я мог вернуться».

Ответа я не получил, группа Лиси больше никаких костей не обнаружила, так что мне пришлось снова расписывать «проклятие». С десятков камней скатились с лавового хребта, когда под ним проходили люди Лиси. Я озаглавил статью «Таинственный камнепад» и как раз скармливал ее аппарату «горячей связи», когда услышал зуммер сигнального устройства, подключенного к передатчикам консула. Репортерам «горячей линии» не полагается влезать в официальные передатчики; и Лако, консул в Спайни, сделал все возможное, дабы это пресечь, но у «горячей связи» есть множество каналов, так что во время путешествия с Лиси у меня хватило времени, чтобы перепробовать все.

Это был приказ космическому кораблю, снабженный кодом «Срочно!». Рейсовый корабль ушел только месяц назад, и Лако не мог его дожидаться. Мне стало ясно: что-то нашли.

Я отправил статью. Затем по планетной связи послал Хауарду запрос: «Нашли что-нибудь?». Ответа не было. Тогда я пошел к археологам, спросил, не нужно ли им чего в базовом лагере? Мол, собираюсь туда: отремонтировать одну из моих схем. Составил список заказов, сложил оборудование в джип и направился в Спайни.

По пути я сочинял заметки и гнал их по планетной связи на передатчик, оставшийся в моей палатке у Лиси, так что для Брэдстрита это выглядело, словно сообщения с места событий. Мне не хотелось, чтобы он заявился в Спайни. Он все еще находился на севере - дожидался следующего побоища, - но у него была «Ласточка», которая могла домчать его в Спайни за полтора дня.

Поэтому я послал статью под названием «Кхраны грозят гибелью группе: снова Проклятие?» - о кхранах, похожих на клещей, которые сосут кровь у любого дуралея, сующего руки в их норы. У археологов Лиси, занимающихся именно этим, руки были покрыты белыми кругами мертвой кожи в местах, где яд проник в кровь. Укусы не заживали, кровь оставалась отравленной около недели, и кому-то из членов группы пришла в голову мысль поставить у палаток знак «Кусать не разрешается» с черепом и скрещенными костями. Об этом я, конечно, не написал. В репортаже я высказал предположение, что кхраны исполняют Проклятие мертвецов, мстя любому, кто осмелился потревожить сон древних колхидских королей.

На другой день я перехватил сообщение с корабля. Это был грузовик компании «Аменти». Он находился довольно далеко, но шел к Колхиде и должен был прибыть примерно через неделю. Ответ Лако состоял из одного слова: «Торопитесь».

Если я собирался пробиться на корабль, то нельзя было терять время на репортажи. Я вытащил и отослал несколько резервных записей, предусмотрительно не датированных: весьма комплиментарную статью о Лако, многострадальном консуле, который должен поддерживать здесь мир и делить сокровища; интервью с Хауардом и Борхардом; гораздо менее лестную статейку о здешнем диктаторе Санде и краткий рассказ о случайно найденных разграбленных гробницах в Спайни, из-за которых Хауард и его компания

отправились именно туда. Я сильно рисковал, сочиняя все эти истории о Спайни, но ожидал, что Брэдстрит проверит пункт передачи и решит, что я пытаюсь оттеснить его. Если мне повезет, он на своей проклятой «Ласточке» кинется к Лиси и убедится, что группа нашла в куче мусора жемчужину, а я пытаюсь сохранить это в тайне, пока не опубликую первым сенсационную новость.

Я примчался в деревню Санда через шесть дней после того, как покинул Лиси. До Спайни оставалось полтора дня пути, но когда ждут корабль, все должны быть здесь, у места приземления, а не в Спайни.

В белом глинобитном поселке стояла мертвая тишина. Было пять часов с небольшим. Время послеобеденного сна. Никто не встанет, во всяком случае до шести, но я все-таки постучался к консулу. Здесь никого не оказалось, дом был крепко заперт. Я попробовал разглядеть хоть что-нибудь сквозь тканые занавески, но большого успеха не добился. Увидел только «горячий» передатчик Лако на столе, и это меня встревожило. Никого не было и в низком строении, которое археологи из Спайни использовали как жилище - куда они все, к дьяволу, подевались? Они не могут быть в Спайни, ведь завтра должен прибыть корабль!

Я не отправлял репортажей с позавчерашнего дня. Записи кончились, а терять время на остановки и отладку оборудования нельзя - того и гляди опоздаешь. У Лиси я время от времени два-три дня молчал, затем отправлял сразу несколько статей, так что Брэдстрит не сразу догадается, что я пропустил назначенное время. Правда, он скоро поймет, в чем дело... но не сразу. Я решил не отправляться в Спайни, пока не поговорю с кем-нибудь и не узнаю, куда они все делись. И уж во всяком случае, не стоит ехать ночью. Словом, я сел на низкое глиняное крыльцо, наладил свое оборудование и проверил, как дела с кораблем. Судно на подходе. Должно приземлиться послезавтра. Ну и где же все? Дать сообщение: «Опять Проклятие?» Или «Группа исчезает»?

Все это мне было уже поперек горла, поэтому я сочинил два столбца об Эвелин Херберт из группы Хауарда, хотя и не был знаком с ней. Эвелин появилась после того, как я уехал на север писать о побоище. Брэдстрит говорил, что она красавица. Вернее, не совсем так: он заявил, что Эвелин - самая красивая женщина из всех, кого ему доводилось видеть, но это было сказано, когда мы застряли в Камсине и приканчивали очередную бутылку джина.

«Она выглядит, - вещал он, - как Елена Троянская. Рехнуться можно. - Слово было явно неудачным, поскольку здесь, на Колхиде, все были трехнутые. - Даже Санд без ума от нее».

Я занял позицию скептика - даже после джина.

«Нет, правда, - прочувствованно говорил Брэдстрит. - Санд делает ей подарки, отдал ей собственную бейю, предлагал переехать к нему в лагерь, но она отказалась. Ты должен ее увидеть. Она прекрасна».

Поверить в это мне так и не удалось, но репортаж получился отличный. Вчерашняя порция строк была готова. Но о чем писать сегодня?

Я обошел поселок и постучался во все двери. Никто не ответил, и я вспомнил, на что это похоже - Камсин после боя. А вдруг истерические просьбы Лако поторопиться каким-то образом связаны с Сан-дом? Допустим, Санд, увидев сокровище, решил завладеть им?

Я тут же соорудил статью о Комиссии. Где бы ни возникали споры по поводу археологических находок, приезжала Комиссия по древностям и работала до тех пор, пока оппоненты не уставали и не были готовы сдаться. Впрочем, многие относятся к Комиссии гораздо серьезнее, чем она того заслуживает.

Однажды Комиссию пригласили решить, кому принадлежит планета, поскольку при раскопках обнаружилось, что ее так называемые аборигены прибыли сюда на космическом корабле несколько тысячелетий назад. Комиссия принялась за работу - хотя история была нелепая, как если бы неандертальцы потребовали вернуть им Землю.

Члены Комиссии заслушивали свидетельства четыре года, затем объявили перерыв для осмотра вещественных доказательств, предоставив претендентам сражаться друг с другом. Перерыв этот длится по сей день (хотя прошло уже десять лет), но об этом я упоминать не стал. Написал, что Комиссия - рука справедливости, беспристрастная и суровая, и горе тому,

кого заподозрят в алчности. Может быть, это заставит Санда дважды подумать, прежде чем он перебьет людей Хауарда и заберет себе все сокровища (если он этого уже не сделал).

Здесь по-прежнему не было и признака жизни. Я еще раз обошел домишки, опасаясь, что найду распахнутую дверь и увижу за ней груды трупов. Но, в отличие от Камсина, здесь не оказалось никаких следов разрушения. Побойше исключалось. Наверное, все ушли к Санду делить сокровища.

Заглянуть в его лагерь, обнесенный высокой стеной, было невозможно. Я погромыхал затейливыми железными воротами, и вдруг появилась не знакомая мне бейя. Она несла керосиновый фонарь - чтобы зажечь его снаружи, пока не закатилось солнце. Я не был уверен, что бейя слышала, как я колотил в ворота. Она казалась старой, хотя по поводу их возраста трудно сказать что-либо определенное: все они ростом с двенадцатилетнего ребенка. Черные волосы не седеют, черные зубы не выпадают. Эта бейя была одета в черные одежды, а не в обычную рубаху, что означало ее высокое положение при дворе Санда. Руки покрыты шрамами от укусов кхранов.

— Санд здесь? - спросил я.

Она не ответила. Повесила фонарь на крюк у ворот и смотрела, как в лужице керосина на дне фонаря разгорается пламя.

— Мне нужно увидеть Санда, - сказал я, повысив голос. Наверное, у нее нелады со слухом.

— Никого внутри, - ответила бейя; ее плоское лицо ничего не выражало.

Означает ли это, что Санда нет? Или что ей не позволено никого впускать?

— Санд. - повторил я. - Мне нужно его увидеть.

— Никого внутри, - повторила она.

У другой бейи добыть информацию было легче. Той я как-то подарил карманное зеркальце и стал другом на всю жизнь. Сейчас ее здесь не было; вероятно, это означало, что самого Санда тоже нет. Но куда же он пропал?

— Я корреспондент, - сказал я и подал свое журналистское удостоверение. - Покажи ему это. Думаю, он захочет поговорить со мной.

Она посмотрела на карточку, перевернула, потерла пальцем гладкий пластик.

— Где он? Уехал в Спайни? - добивался я.

Бейя повернула карточку лицевой стороной вверх. Потыкала тем же пальцем в голографическую надпись «горячая линия», словно пытаюсь просунуть его между трехмерными буквами.

— Где Лако? Где Хауард? Где Санд?

Она повернула карточку на ребро и принялась разглядывать ее край. Щелчком перевернула, глядя на буквы, вновь поставила на ребро, наблюдая, как трехмерные буквы становятся плоскими.

— Послушай, - сказал я. - Ты можешь взять это себе. В подарок. Только скажи хозяину, что я здесь.

Она попробовала подковырнуть объемные буквы своим черным ногтем. Не стоило давать ей удостоверение.

Я полез в рюкзак, достал бутылку колы и показал бейе. Она отвела взгляд от карточки и попыталась схватить бутылку. Я отступил на шаг и сурово спросил:

— Где люди, которые копают? - И тут я вспомнил, что здесь все дела ведут женщины (если мелкие поручения сугундули и питье колы можно назвать делами). По крайней мере, они большую часть дня бодрствуют. Мужчины-бейи обычно спят, и женщины не обращают на них внимания, как и на любых других мужчин, если те не отдают прямых указаний. Но женщину они могут заметить.

— Где Эвелин Херберт?

— Большое облако, - ответила она.

Большое облако? Что это может значить? Сейчас не сезон гроз, способных промочить пустыню насквозь. Что это - огонь? Корабль?

– Где? - спросил я.

Она снова протянула руку. Я позволил ей почти дотянуться до бутылки.

– Где большое облако?

Она указала на восток, туда, где лавовый поток образовал невысокий хребет. В плоской котловине за ним обычно приземлялись корабли. Что, если какой-то другой корабль откликнулся на призыв Лако? Или корабль уже улетел вместе с археологами и сокровищами?

– Корабль? - спросил я.

– Нет, - ответила она и просунула руку сквозь ворота за бутылкой. - Большое облако.

Я отдал ей бутылку. Она отошла и уселась на ступеньки перед главным зданием. Глотнула колы и принялась вертеть в руках мою карточку, заставляя ее посверкивать на солнце.

– Давно ли оно тут? - спросил я. Конечно, она ничего не ответила.

По дороге к хребту я убедил себя, что бейя видела самум. Не хотелось думать, что судно уже ушло вместе с археологами. Если это корабль, то он еще здесь.

Но корабля не было. Еще не добравшись до вершины хребта, я увидел круг выжженной земли около полумили в диаметре - здесь всегда приземлялись корабли. Круг был пуст, но я поехал дальше и увидел «большое облако» - пластиковый купол посреди котловины. За ним стоял «лендровер» консула и несколько гусеничных машин, на которых, очевидно, перевезли сокровища из Спайни.

Я спрятал джип за лавовой стенкой и двинулся в обход, прячась за скалами, пока не увидел входную дверь. Перед палаткой на страже стояли два сугундули - лучшее доказательство, что сокровища там. Единственное постановление Комиссии гласило, что правительство, пославшее археологов, получает половину найденного, а аборигены - другую половину. Санд должен был обеспечить сохранность своей доли. Меня удивило, что Хауард, в свою очередь, не поставил стража, поскольку в постановлении говорилось, что любое жульничество лишает виновного всех прав на находки. У Лиси стражники буквально сидели на скелетах и глиняных черепках, чтобы не сомневаться: никто украдкой не сунет в карман большую берцовую кость, а если попробует, они заграбастают все находки, обвинив другую сторону в нарушении законов.

Мимо стражей Санда пройти не удастся. Если мне нужен материал для репортажа, надо проникнуть через заднюю дверь. Я пополз назад, к джипу, прячась от стражников за грядой скал. Свое «горячее» оборудование оставил в машине - не был уверен, что попаду внутрь, и не хотел, чтобы аппаратуру конфисковали, объявив, будто передача репортажей приравнивается к жульничеству. Кроме того, черная лава была изрыта ямами с острыми краями, и не хотелось рисковать аппаратурой.

Пока удавалось, я крался скрытно, затем метнулся по песку к той стороне палатки, что была подальше от консульского «лендровера», и нырнул под верхний слой ткани. У палатки не было заднего входа. Этого я не ожидал. У археологов Лиси имелась похожая палатка, где они хранили свои глиняные горшки, и там был вход сзади, под верхним тентом. А стенки этого «большого облака» оказались заставлены изнутри ящиками и оборудованием.

Я медленно продвигался вдоль палатки, пока не нашел место, где пластик был немного надорван, и расширил отверстие ножом. Заглянув в щелку - обзор был очень плохой, на несколько футов, - я проскользнул внутрь.

И насмерть перепугал маленькую бейю, которая сжимала в руках бутылку колы и боязливо жалась к одному из упаковочных ящиков. Я и сам испугался.

– Ш-ш-ш, - прошептал я и прижал палец к губам. Она не вскрикнула, только изо всех сил сжала свою бутылку и попятилась.

– Эй, - сказал я мягко, - не бойся. Ты ведь меня знаешь. Теперь стало ясно, что Санд в палатке - это была его бейя. Ту, пожилую, очевидно, оставили караулить лагерь.

– Помнишь, я подарил тебе зеркало? - зашептал я. - Где твой хозяин? Где Санд?

Она остановилась, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

– Зеркало, - сказала она и кивнула. Но не подошла ближе, только перестала сжимать бутылку.

– Где Санд? - снова спросил я. - Где археологи? - Она молчала.

– Где Эвелин Херберт?

– Эвелин, - повторила она и вытянула грязную ручку, показывая в сторону пластиковой занавески. Я нырнул туда.

Эта часть палатки была выгорожена пластиком, так что получилось подобие комнаты с низким потолком. У одной стенки стояли ящики, заслоняя проникавший в палатку вечерний свет, и рассмотреть что-либо было трудно. Около стены висело что-то вроде гамака. Слышалось тяжелое, неровное дыхание.

– Эвелин? - спросил я. Бейя тоже вошла в комнатку.

– Здесь есть свет? - спросил я ее. Она проскользнула за моей спиной и включила одинокую электрическую лампочку, свисавшую вниз из клубка проводов. И снова отошла к дальней стене.

– Эвелин? - повторил я, приподнял пластиковый полог и охнул.

– Наверное, это прозвучало, как стон. Закрыв лицо рукой, словно пытаюсь спастись от огня и дыма, я отпрянул, едва не упав на маленькую бейю и придавив ее к хлипкой стене так, что стенка чуть не прорвалась.

– Что с ней случилось? - я схватил бейю за худенькие плечи. - В чем дело?

Она страшно перепугалась. Я понял, что ответа не дожусь, отпустил ее, и она так вжалась в складки пластиковой стенки, что почти исчезла.

– Что с ней? - настойчиво прошептал я и услышал, что в голосе звучит ужас. - Это какой-то вирус?

– Проклятие, - сказала маленькая бейя.

И тут погас свет.

Я стоял в темноте, слышал тяжкое, мучительное дыхание Эвелин и свое собственное - частое, испуганное - и на какой-то момент поверил бейе.

Затем свет снова зажегся, я увидел пластиковый полог гамака и вдруг понял, что нахожусь в нескольких шагах от самого сенсационного репортажа всей своей жизни.

– Проклятие, - повторила маленькая бейя, а я подумал: «Нет, не Проклятие. Это моя удача».

Я подошел к гамаку, двумя пальцами приподнял пластиковый полог, чтобы посмотреть на то, что осталось от Эвелин Херберт. По самую шею она была накрыта одеялом, а руки, лежавшие поверх одеяла на груди, были изуродованы пятигранными белыми наростами. Целиком, вплоть до ногтей. В углублениях между ними кожа настолько истончилась, что казалась прозрачной. Виднелись вены и пульсирующая в них красная жидкость.

Такие же наросты покрывали лицо женщины, даже веки; они виднелись и во рту. На скулах белая сеть казалась тоньше и выше, кожа выглядела настолько тонкой, что удивительно, как не торчали наружу кости. У меня мурашки побежали по телу при мысли о том, что на пластике может быть вирус. Значит, я заразился, едва вошел в комнату.

Женщина открыла глаза, и я так вцепился в полог, что чуть не сорвал его. Сеть крохотных наростов, не толще паутины, покрывала ее глаза. Непонятно, видит ли она меня.

– Эвелин, - сказал я. - Меня зовут Джек Мертон. Я репортер. Вы можете говорить?

С ее губ сорвался какой-то приглушенный звук. Она закрыла глаза и попыталась еще. На этот раз внятно проговорила:

– Помоги мне.

– Что нужно сделать? - спросил я.

Она издала ряд звуков, которые представлялись ей словами, но разобрать их было невозможно. «Идиот, оставил переводчик в джипе», - подумал я с отчаянием.

Эвелин попыталась приподняться, выгибая спину и даже не пробуя помогать себе руками. Закашлялась - резким, надсадным кашлем, - словно прочищая горло, и опять издала какой-то звук.

– У меня есть аппарат, который поможет понять вас, - сказал я. - Переводчик. В моем джипе. Сейчас принесу.

Она ясно произнесла: «Нет». Затем снова последовали невнятные звуки.

– Не понимаю, - сказал я, и тут она схватила меня за рубаху. Я отскочил так, что ударился о лампочку. Бейя отлипла от стены и качнулась вперед.

– Сокровища, - сказала Эвелин и с трудом перевела дыхание. - Санд. От... рава.

– Отрава? - переспросил я. Лампочка все еще раскачивалась. Я взглянул на свою рубашку. Наросты на пальцах Эвелин рассекли ее на длинные полосы. - Кто вас отравил? Санд?

– Помоги мне, - прошептала она.

– Сокровища были отравлены, Эвелин? Она попыталась покачать головой.

– Возьми... записку.

– Записку? Кому?

– Сан... - сказала она. Упала на гамак, кашляя и с трудом хватая воздух ртом.

Я отступил, чтобы она не забрызгала меня слюной.

– Зачем? Хотите предупредить Санда, что вас кто-то отравил? Почему я должен отнести ему записку?

Она перестала кашлять. Долго лежала и смотрела на меня. И вдруг повторила:

– Помоги мне.

– Если я отнесу записку Санду, вы расскажете, что произошло? - спросил я. - Откроете, кто вас отравил?

Она попыталась кивнуть и снова закашлялась. Подошла бейя с бутылкой, из которой торчала трубочка, и поднесла ко рту Эвелин. Немного воды пролилось на подбородок; бейя промокнула ее подолом своей несвежей рубахи. Эвелин снова попробовала подняться, бейя помогала, обняв ее за плечи, покрытые сеткой наростов. Они были такие же, как на лице, и, по всей видимости, не травмировали руку маленькой бейи. Казалось даже, что под нажимом руки они становятся плоскими. Бейя сунула трубочку в рот Эвелин. Та глотнула и опять закашлялась. Бейя подождала и снова попробовала ее напоить, на этот раз удачно. Потом больная легла.

– Да, - произнесла она гораздо отчетливее. - Лампа. Я в очередной раз не понял.

– Что мне передать, Эвелин? Что ему сказать?

– Лампа, - повторила она и попыталась указать на нее рукой.

Я обернулся. Керосиновая лампа стояла на покрытом пластиком картонном ящике. Рядом лежали два одноразовых шприца, из тех, какие бывают в наборе первой помощи, и пластиковый пакет. Бейя передала пакет мне. Я осторожно взял его, надеясь, что Эвелин к нему не прикасалась, а записку туда положила бейя. Затем взглянул на руки Эвелин и на свою изодранную рубаху, уразумев, что бейя не только положила записку в пластиковый пакет, но, очевидно, сама ее написала по просьбе Эвелин. Оставалось надеяться, что каракули можно будет прочесть.

Я сунул пакет в мешочек с подкладкой из фольги, куда обычно клал запасной аккумулятор для передатчика, и постарался отделаться от навязчивого желания вымыть руки. Подошел к гамаку.

– Где Санд? Здесь? Или у себя?

Она снова попыталась покачать головой. Я начал понимать ее жесты, но не переставал жалеть, что со мной нет переводчика.

– Нет, - ответила она и закашлялась. - Не здесь. Лагерь. Деревня.

– Он в лагере? Вы уверены? Я недавно был там и никого не видел. Кроме его бейи.

Она вздохнула: звук был ужасный, похожий на треск гаснущей свечи.

– Лагерь. Скорее.

– Хорошо, - ответил я. - Постараюсь вернуться до темноты.

– Скорее, - прошептала она и снова начала кашлять.

Я выбрался тем же путем, что пришел. По дороге спросил бейю, верно ли, что Санд в лагере. Она ответила:

– Север. Солдаты.

Это могло означать множество разных вещей.

– Он ушел на север? - спросил я. - Его нет в лагере?

– Лагерь. Солдаты.

Задавать новые вопросы не имело смысла. Я осмотрелся, раздумывая, не попытаться ли найти Хауарда, или Лако, или кого-нибудь еще, прежде чем тащиться в лагерь на поиски Санда. Смеркалось. Если я задержусь, станет совсем темно, а кроме того, не хотелось попадаться на глаза разгневанному Лако с посланием, которое жгло мне карман. Во всяком случае, вернувшись к джипу, я смогу прочесть, записку и, возможно, найду ключ к чертовщине, которая здесь происходит. Скорее всего, Санд в лагере. Если бы он ушел на север, то не оставил бы здесь свою бейю.

Я вылез из прорезанной мною же щели и помчался со всех ног через открытое пространство к относительно безопасному месту - хребту. Очутившись там, вынул фонарь-карандашик и стал светить себе под ноги, чтобы не провалиться в расщелину. Остановился на полпути в тени длинного черного откоса, чтобы перевести дух и прочесть записку. Когда доберусь до джипа, ничего не будет видно. И так уже довольно темно. Я приготовил фонарик, вытащил из кармана рубахи мешочек и собрался его открыть, но тут внизу крикнули:

– Назад!

Я вжался в расщелину, как бейя, прислуживавшая Эвелин. Фонарик выскользнул из пальцев и провалился в дыру.

– Ты не должен к нему прикасаться! Я сам!

Я чуть-чуть высунул голову и взглянул вниз. Очевидно, лава давала какой-то аномальный акустический эффект. Лако и два коренастых человека в белом - сугундули - стояли у дальней стороны палатки, так далеко, что я с трудом различал их в сумерках, хотя голос Лако раздавался отчетливо, словно он был рядом, чуть ниже меня.

– Я сам его похороню, во имя Господа. Все, что вам надо сделать, это выкопать могилу. - Лако обернулся и показал на что-то рядом с палаткой, голос его прерывался. «Какую могилу?» - подумал я. Посмотрел, куда он показывает, и различил на песке серовато-голубой предмет. Тело в пластиковом мешке.

– Санд послал вас сюда сторожить сокровища, значит; вы должны выполнять мои приказания, - продолжал Лако. - Когда он вернется, я...

Дальнейшего я не слышал, но что бы Лако ни говорил, ему не удалось убедить их. Сугундули пятились от него, а через минуту повернулись и побежали. Хорошо, что в темноте их нельзя было рассмотреть. При виде сугундули у меня по телу мурашки бегают. У них под кожей, особенно на лицах, руках и ногах, видны клубки мышц, напоминающие грыжу. Когда Брэдстрит делал о них репортажи, то описывал эти мышцы как перекрученные веревочные узлы или клубки, похожие на змей. Санд выглядит получше - у него клубки на ступнях, которые, по словам Брэдстрита, из-за этого словно обуты в сандалии. Отсюда пошло прозвище «Сандалий», которое позже укоротилось до Санда.

Санд. Он должен быть в лагере, потому что Лако сказал: «Когда он вернется». Никто не глядел в мою сторону, и я продолжал взбираться на гребень, стараясь производить как можно меньше шума - на случай, если эхо действует в обе стороны.

На западе еще оставалась полоска света, и это позволяло вести машину. Я было решил остановиться на полпути, включить фары и в их свете прочесть записку Эвелин, но Лако мог увидеть мои фары и понять, где я. Лучше прочесть послание в деревне, прежде чем идти к Санду.

Так я и ехал, пока стало невозможно различить руку, поднесенную к глазам, и лишь тогда включил фары, увидев, что едва не врезался в стену, ограждавшую деревню. Вдоль стены не было ни огонька, и я оставил джип с включенными фарами, сожалея, что не могу

проехать на нем за стену.

Оказавшись внутри ограды, я тут же увидел фонарь, который при мне повесила бейя. Это был единственный свет во всей деревне, и кругом стояла прежняя тишина - как после битвы. Может быть, они узнали, кто лежит в гамаке под пластиковым куполом, и бежали отсюда, подобно стражникам-сугундули.

Я подошел к воротам Санда и посмотрел на фонарь. Можно было легко дотянуться, снять фонарь с крюка, уйти в проулок и прочесть записку, пока меня не видит никто, в том числе и Санд. Вряд ли ему понравилось бы, что кто-то вскрывает его письма. Я подобрался к забору и вытащил мешочек с запиской.

– Никого внутри, - сказала бейя. Она все еще держала в руках мое удостоверение. Края карточки были обгрызены. Должно быть, бейя так и сидела на ступеньках, пытаясь выковырять трехмерные буквы.

– Мне надо увидеть Санда, - заявил я. - Впусти меня. У меня для него сообщение.

Она с любопытством смотрела на мешочек. Я убрал его.

– Сообщение, - повторила она, наблюдая, как мешочек исчезает в кармане рубашки.

Убедившись, что от разговоров толку не будет, я снова достал мешочек, вынул пластиковый пакет и показал бейе.

– Сообщение. Для Санда. Впусти меня.

– Никого внутри, - повторила она. - Я возьму. Ее рука протянулась сквозь железные ворота, а я отодвинул свою - с пакетом - подальше.

– Это не тебе. Сообщение для Санда. Отведи меня к нему. Сейчас же. Это напугало бейю. Она попятилась к крыльцу.

– Никого внутри, - снова сказала она и уселась на ступеньки, принявшись крутить в руках мою карточку.

– Я тебе кое-что дам, - пообещал я, - если отнесешь записку Санду. Лучше, чем карточка.

Бейя вернулась к воротам, поглядывая на меня с подозрением. Я совершенно не представлял, что ей всучить. Порылся в рваном кармане, выудил ручку, по которой шла надпись трехмерными буквами и показал этой упрямце.

– Это тебе. Скажи Санду: у меня для него сообщение. - Я помахал пакетом, чтобы она поняла, в чем дело. - Впусти меня.

Она оказалась быстрой, как змея. Только что стояла, рассматривая ручку, а в следующий момент пакет уже оказался у нее в руках. Она подхватила фонарь и взбежала по ступенькам.

– Не уходи! - крикнул я.

Дверь за ней захлопнулась. В темноте ничего не было видно.

Замечательно. Бейя сжует эту записку, а я так же далек от репортажа, как и был. Эвелин, скорее всего, умрет, не дождавшись моего возвращения.

Я побрел вдоль стены, пока не увидел свет фар. Он стал более тусклым. Замечательно - ко всему прочему садится аккумулятор. Я бы не удивился, обнаружив Брэдстрита, сидящего за рулем моей машины и отправляющего репортаж по моей «горячей линии».

Не было никакой возможности добраться до палатки без включенных фар среди черной, как деготь, колхидской ночи; оставалось только надеяться, что Лако не заметит меня,

Рубашка изодралась в лохмотья; я бросил ее в машине и целую вечность спускался в темноте с хребта, таща на себе переводчик и передатчик. Щель в стенке палатки оказалась маловата, чтобы пролезть через нее с двумя громоздкими ящиками. Я поставил их на землю, влез в палатку, втащил оборудование, и тут раздался голос Лако.

– Ты что-то припозднился, Джек. Стражники Санда удрали часа два назад. Не надо мне было звать их на помощь... Они, стало быть, ушли, а ты явился... Брэдстрит тоже здесь?

Я обернулся. Лако выглядел так, словно неделю не спал.

– Почему бы тебе не убраться тем же путем, что пришел? А я притворюсь, будто тебя

не видел, - сказал он.

– Я приехал за репортажем. Думаешь, я уйду теперь, когда напал на тему? Мне надо поговорить с Хауардом.

– Нет, - отрезал Лако.

– Должен тебе сказать... - начал я и автоматически полез за удостоверением. Подумал, что бейя, наверное, уже совершенно изглодала мою карточку, если не отвлеклась на послание Эвелин. - Короче, ты не имеешь права препятствовать сбору информации.

– Он умер, - ответил Лако. - Я похоронил его сегодня вечером.

Я пытался выглядеть так, словно просто собрался выдать очередной репортаж о сокровищах и, конечно же, не заметил то, что лежало в гамаке. Думаю, вел я себя правильно, поскольку непохоже было, что Лако что-либо подозревает. Может быть, он все еще пребывал в шоке.

– Умер? - переспросил я, пытаясь вспомнить лицо Хауарда, но перед глазами стояло обезображенное лицо Эвелин... и руки, схватившие мою рубашку... они резали ткань, словно бритвы...

– А Каллендер?

– Тоже умер. Все умерли, кроме Борхарда и Херберта, но и те не способны что-либо произнести. Ты пришел слишком поздно.

Лямка аппарата-переводчика врезалась в плечо. Я поправил ремень.

– Что это? - спросил Лако. - Переводчик? Он может справиться с искаженной речью?

– Да. Но что происходит? Что случилось с Хауардом и остальными?

– Я конфискую твою аппаратуру, - сказал он.

– Не имеешь права, - возразил я и попятился. - У репортеров «горячей линии» свободный доступ.

– Не здесь. Дай сюда переводчик.

– Зачем? Ты же сам сказал, что Борхард и Херберт не могут говорить.

Лако пошарил у себя за спиной. Приказал:

– Бери свой передатчик и иди вон туда.

Он поднял керосиновый огнемет, сооруженный из чего-то, похожего на бутылку из-под колы, и зеркальца - одна из самоделок, которыми сугундули косили всех без разбора. Лако наклонил огнемет так, чтобы зеркальце оказалось под висевшей над нами электрической лампочкой. Я поднял с земли передатчик.

Он повел меня через лабиринт ящиков и коробок в центр палатки. Мы прошли мимо пластиковых занавесей, за которыми, подумал я, может лежать в гамаке Борхард. Если Лако надеялся, что я потеряю ориентировку, то он ошибался. Я легко мог найти Эвелин. Нужно было только следовать за паутиной электрических проводов.

Центр палатки напоминал склад: в беспорядке стояли контейнеры, валялось археологическое оборудование. Тюки и спальные-мешки были навалены кучей рядом с кипой пластиковых коробок. В центре оказалась проволочная клетка, напротив нее - опутанный сетью электрических проводов холодильник. Большой, с двойными дверцами старого образца, явно промышленного типа. Скорее всего, он попал сюда с одной из фабрик, производящих кока-колу. Нигде ни следа сокровищ, разве что все уже упаковано. Мне стало интересно, для чего предназначена клетка.

– Положи аппаратуру, - сказал Лако и начал снова возиться с зеркальцем. - Заходи в клетку.

– А где передатчик? - задал я вопрос.

– Не твое дело.

– Послушай, - сказал я, - у тебя своя работа, у меня - своя. Все, что мне нужно - это репортаж.

– Репортаж? - переспросил Лако. Он толкнул меня внутрь клетки. - Как тебе такая тема: ты только что подвергся воздействию смертельно опасного вируса и находишься в карантине.

Сказав это, он протянул руку и выключил свет.

Да, вот это везение. Сначала бейя Санда, теперь Лако, и в результате, я знаю о событиях ничуть не больше, чем когда был у Лиси, и, возможно, через несколько часов свалюсь от страшного недуга, который сжирает Эвелин. Какое-то время я тряс решетку и призывал Лако. Потом попытался открыть замок, но во тьме ничего не было видно, только слышалось урчание холодильника. Когда он затихал, становилось понятно, что электричество вырубилось; так повторялось раза четыре. Потом я привалился к углу клетки и попытался уснуть.

Как только стало светло, я снял одежду и осмотрел себя - не появились ли наросты. Ничего не обнаружив, снова натянул брюки и ботинки. Написал записку на листке из блокнота и опять принялся трясти клетку. Пришла бейя. В руках она держала поднос с черствым куском местного хлеба, каменным сыром и бутылкой колы с вставленной в нее трубочкой. Хорошо, если это другая, не та, через которую пила Эвелин.

— Кто здесь еще? - спросил я у бейи, но она испуганно молчала. Видно, я здорово напугал ее вчера ночью. Я улыбнулся.

— Ты ведь помнишь меня? Я подарил тебе зеркало. Молчание.

— Есть ли другие бейи?

Она поставила поднос на картонный ящик и просунула хлеб в клетку.

— Ты одна?

Ей не удавалось просунуть бутылку сквозь проволоку. Понаблюдав минуту-другую за ее стараниями, я предложил:

— Давай вместе.

Я наклонился и принялся пить через трубочку, а она в это время держала бутылку.

Когда я выпрямился, она проговорила:

— Только я. Других бей нет. Только я.

— Послушай, мне нужно, чтобы ты передала Лако записку.

Она не ответила, но и не отошла от клетки. Я вытащил свою верную ручку с трехмерными буквами, но не стал протягивать ее бейе, боясь повторить ошибку вчерашнего вечера.

— Я отдам тебе ручку, если ты отнесешь записку Лако: Она попятилась и прижалась к холодильнику; взгляд больших черных глаз не отрывался от предмета. Я нацарапал имя Лако на записке и сунул ручку в карман. Бейя проводила ее взглядом.

— Я подарил тебе зеркало, - напомнил я. - Теперь подарю вот это.

Она схватила записку и убежала, а я покончил с едой и прилег вздремнуть, время от времени пытаясь вообразить, какая судьба постигла послание, которое я отдал бейе Санда.

Когда я окончательно проснулся, было совсем светло и вокруг оказалось множество вещей, которых я не заметил ночью. Моя аппаратура все еще находилась здесь, рядом со спальниками, но переводчик исчез. Около клетки стояла небольшая картонная коробка. Я просунул руку сквозь сетку и подтянул ее поближе, чтобы отодрать клейкую ленту. Интересно, кто прятал сокровища. Группа Хауарда? Вряд ли сугундули могли так аккуратно справиться с упаковкой. Похоже, это работа самого Лако. Но почему он лично этим занялся? Ведь его задача - охранять находки от посягательств со стороны.

Клейкая лента, упаковочная ткань и мягкие прокладки - все сделано на совесть. Я далеко просунул руку сквозь проволочную сетку, слегка подтянул коробку другой рукой и сумел что-то нащупать. И вытащил какой-то предмет.

Это оказалась ваза. Я держал ее за длинное, узкое горлышко. На ней была выгравирована серебряная трубочка. Сама ваза была сделана из голубой керамики, тонкой, как яичная скорлупа. Я завернул ее в пластик и положил назад. Порылся в коробке и добыл предмет, напоминающий маленький глиняный горшочек.

— Это дверная печать, - услышался голос Лако. - По словам Борхарда, на ней написано: «Берегись Проклятия королей и кхранов, которые обращают человеческие мечты в кровь». - Он отобрал у меня «горшочек».

– Ты получил мою записку? - спросил я, пытаюсь высвободить руки из проволочной сетки. На правом запястье появилась царапина. Лако бросил мне изжеванный кусочек бумаги.

– Некоторым образом, - ответил он. - Бейи проявляют крайнюю любознательность относительно того, что им даешь. Что говорилось в записке?

– Я хотел заключить с тобой соглашение.

Лако принялся укладывать дверную печать в коробку.

– Я уже умею работать с переводчиком, - ответил он. - И с передатчиком.

– Никто не знает, что я здесь. Я пересылал репортажи к археологам Лиси, на передатчик.

– Что за репортажи? - спросил Лако, выпрямляясь. Он все еще держал в руках дверную печать.

– Всякую ерунду. Местная природа, Комиссия. То, что интересует читателей.

– Комиссия? - переспросил Лако. Сделал какое-то странное движение, словно чуть не уронил печать и поймал ее в последний момент. Я забеспокоился, все ли с ним в порядке. Выглядел он ужасно.

– У меня там передатчик. Репортажи идут через него, и Брэдстрит считает, что я все еще сижу у Лиси. Если перестану слать репортажи, он догадался о моем исчезновении. Сядет в «Ласточку» и будет здесь послезавтра.

Лако осторожно положил печать в коробку, обернул упаковочным материалом, закрыл коробку и заклеил лентой.

– Какое соглашение?

– Я снова буду передавать репортажи, и это убедит Брэдстрита в том, что я все еще у археологов Лиси.

– А взамен?

– Ты расскажешь мне всю правду. Позволишь взять интервью у группы. Дашь мне возможность опубликовать сенсационный материал.

– Но взамен я потребую, чтобы Брэдстрит появился здесь послезавтра, не раньше.

– А что должно произойти завтра?

– Ты исполнишь договор?

– Да.

Лако немного подумал.

– Завтра утром придет корабль, - медленно произнес он. - Мне будет нужна помощь при погрузке сокровищ.

– Я помогу.

– Никаких частных интервью, никакого частного доступа к передатчику. Я буду просматривать все репортажи, которые ты намерен засылать.

– Хорошо.

– Ты не станешь писать о том, что увидел здесь, пока мы не улетим с Колхиды.

Я готов был согласиться на все. Это ведь не просто история о том, как местный вождь отравил нескольких чужеземцев, не рассказ о туземных игрищах. Это был репортаж, какого у меня еще не случалось, и ради него я согласился бы поцеловать похожую на змею ногу Санда.

– Согласен, - ответил я. Лако глубоко вздохнул.

– Мы обнаружили сокровища в Спайни, - сказал он. - Три недели назад. Это гробница принцессы. Стоимость найденного... Не могу себе представить. Большая часть памятников сделана из серебра, а их культурная ценность не поддается исчислению. Неделю назад, через два дня после того, как мы расчистили гробницу и принесли все сюда, где можно работать с материалом, группа заболела... Наверное, это вирус. Заразились только наши. Ни представитель Санда, ни носильщики, которые перетаскивали находки из Спайни. Никто, кроме археологов. Санд заявил, что археологи открыли гробницу сами, не дожидаясь решения местных властей. - Лако замолчал.

– Если это так, то последует конфискация, и все достанется Санду. А где находился представитель Санда, когда они якобы вскрыли гробницу?

– Это была бейя. Она отправилась за Сандом. Группа осталась караулить сокровища. Хауард клянется, что они не входили, дожидаясь Санда и его носильщиков. Он говорит... говорил, что группа отравлена.

«От... рава, - сказала тогда Эвелин. - Санд».

Санд утверждает, что какой-то охранный яд, оставленный в гробнице древними, подействовал на археологов, когда они проникли туда.

– А по словам Хауарда, что это было? - спросил я.

– Он ничего не сумел сказать... Эта зараза в первую очередь поражает горло. Хауард потерял голос на второй день. Эвелин Херберт пока еще в состоянии произносить слова, но ее очень трудно понять. Вот зачем мне понадобился твой переводчик.

Я задумался. Охранный яд в гробнице - в этом я немного разбирался. Мне уже приходилось писать о ядах, с помощью которых древние оберегали гробницы от разграбления. В основном это были контактные яды, нанесенные на различные предметы. А у меня в руках побывала дверная печать.

Лако посмотрел на меня и сказал:

– Я помогал переносить сокровища из Спайни. Носильщики тоже их таскали. И я касался трупов. Правда, надевал пластиковые перчатки, но это не предохраняет от воздушной или капельной инфекции. Каково бы ни было это заболевание, не думаю, что оно заразно.

– Ты, как и Хауард, считаешь, что мы столкнулись с ядом? - спросил я.

– Мое официальное мнение: в гробнице находился вирус, и когда ее открыли, вся группа, включая представителя Санда, подверглась его воздействию.

– И сам Санд?

– Бейя Санда вошла в гробницу раньше всех. За ней - археологи. Потом Санд. Моя *официальная* позиция - вирус был анаэробным. После того, как в гробницу проник воздух, вирус утратил свои болезнетворные свойства.

– Но ты не веришь в это?

– Нет.

– Тогда зачем ты избрал такую версию? Почему не обвиняешь Санда? Если ты хочешь заполучить сокровища, это самый верный путь. Комиссия...

– Тогда Комиссия прибудет на планету и начнет расследование по моему обвинению.

– Ну и что?

Хотелось спросить, почему его это так беспокоит, но я решил сначала выбраться из клетки, и лишь после этого задавать вопросы.

– Но если это вирус, чем же ты объясняешь, что бейя не заболела?

– Различием в химическом строении и размерах тел. Я объявил карантин, и Санд, в общем, согласился. Также он согласился дать нам отсрочку на неделю, чтобы проверить, нет ли инкубационного периода у вируса, подхваченного бейей, прежде чем он направит жалобу в Комиссию. Неделя истекает послезавтра. Если признаки заболевания появятся в ближайшие два дня...

Вот чем объяснялось присутствие бейи Санда здесь, в карантине, вместе с археологами, тогда как никто больше, даже стражники Санда, не появлялись в палатке. Она была не сиделкой Эвелин, а единственной надеждой экспедиции.

Непохоже, что она больна. Санд согласился на отсрочку, даже оставил бейю при археологах - он ни за что бы этого не сделал, если бы не уверенность, что у нее нет ни малейшего повода слечь. Значит, никакого повода и не было. Если только Эвелин не обнаружила яд. Если только не собиралась отравить бейю.

– Почему он не перебил всю команду прямо в гробнице? - спросил я. - Ведь мог сказать, что они погибли под обвалом или выдумать что-нибудь еще.

– В таких случаях всегда организуют расследование. Он не хочет рисковать.

– Кстати, где он?

– Отправился на север, в Камсин, собирать войска.

Камсин. Так значит, Санда все же не было в лагере, а бейя, скорее всего, просто сжевала записку Эвелин. А если он прибыл в Камсин, могу поручиться, никакая сила не убедит Брэдстрита в том, что все идет своим чередом. Интересно, понимает ли это Лако.

Он отпер клетку и сказал:

– Мы пойдем к Эвелин Херберт, но я бы хотел, чтобы ты сначала написал репортаж.

– Хорошо, - согласился я, довольно отчетливо представляя себе, каким будет этот репортаж. Обмануть Брэдстрита не удастся, но, возможно, я сумею удержать его на месте еще какое-то время и успею выдать свою сенсацию.

– Сначала мне нужна распечатка, - сказал Лако.

– У меня нет принтера, - ответил я, - но ты можешь придержать сообщение и стереть все, что тебе не понравится.

– Хорошо, - согласился он.

– Передатчик не включен, - сказал я, но Лако следил за мною все то время, пока я работал.

Я набирал статью, предпослав ей сообщение: «Важные события в Спайни. Примерно 12 столбцов».

– Ты пытаешься выманить его в Спайни? - спросил Лако. - Не пойдет. Он увидит купол. Кстати, может ли он выяснить содержание официального сообщения?

– Конечно. Каким образом, ты думаешь, я узнал, что к тебе летит корабль? Но Брэдстрит не поверит сообщению. А вот этому поверит.

Я набрал код местной связи и ввел файл - передатчик доложил, что информация не проходит. И не могла пройти, пока Лако не даст «добро».

Он поднял руку к подбородку и стал изучать текст.

Я подождал, прикидывая, не проигнорирует ли Брэдстрит местное сообщение, если оно не пойдет под грифом «срочно», затем все же решил отправить без грифа. «Вернусь так быстро, как сумею. Пока придержи», - набрал я и подписался: «Джеки».

– Кому ты это посылаешь? - спросил Лако.

– Никому. У меня в палатке стоит передатчик. С него сообщение пойдет в накопитель. Завтра напишу статью о Спайни, она будет передана отсюда, то есть с расстояния в один день пути от Спайни.

– Поэтому он решит, что ты делаешь именно то, что сказал. Направляешься к Лиси.

– Конечно, - подтвердил я. - Теперь я могу посмотреть на Эвелин Херберт?

– Да.

Лако двинулся назад по лабиринту ящиков и электрических проводов; я последовал за ним. На полпути он остановился и сказал, словно только что вспомнив:

– То... чем они заразились - скверная штука. У них вид... я хочу, чтобы ты приготовился.

– Я репортер, - буркнул я.

И все же мне не пришлось прилагать усилий, чтобы казаться потрясенным. Эвелин выглядела ничуть не лучше, чем в первый раз.

Оказывается, Лако установил у Эвелин на груди какой-то аппарат, подключенный к паутине проводов под потолком. Я включил переводчик. В сущности, я мало что мог сделать, пока Эвелин не сосредоточится на нас, однако немного повозился с переводчиком. Бейя во все глаза наблюдала за моими действиями. Лако надел пластиковые перчатки и подошел к гамаку взглянуть на Эвелин.

– Я сделал ей укол полтора часа назад, - сообщил он. - Надо подождать еще минут десять.

– Что ты ей даешь? - поинтересовался я.

– Дилаудид и сульфамиды. Из аптечки первой помощи.

Он говорил это спокойно, словно у него не вызывала ужаса необходимость делать

уколы в руку, которая могла разрезать флаконы с лекарствами на куски. Казалось, он вовсе ее не боится

– Дилаудид вырубает ее примерно на час, потом к ней полностью возвращается сознание, но она испытывает боль. Против боли помогает морфий, но от него она почти сразу отключается.

– Если время еще есть, я покажу бейе переводчик, хорошо? - спросил я. - Если я отнесу его в сторонку и все объясню, вероятность обнаружить его завтра утром на месте увеличится. Согласен?

Лако кивнул и снова наклонился над гамаком, глядя на Эвелин.

Я снял с аппарата верхнюю панель, подозвал бейю и начал свой спектакль. Вытащил все микросхемы, платы, шлейфы и разрешил бейе возиться с ними, подносить к свету, совать в рот и наконец уложить на место в надлежащем порядке собственными грязноватыми ручками. В середине этого занятия снова выключился свет, и мы минут пять сидели в полумраке, но Лако не пошевелился и не зажег керосиновую лампу.

– Виноват аппарат искусственного дыхания, - объяснил он. - К другому я подключил Борхарда. Перегрузка генератора.

Мне бы очень хотелось, чтобы горел свет и я мог видеть его лицо. Я готов был поверить, что генератор перегружен. Тот, что был у группы Лиси, то и дело выходил из строя без всяких аппаратов искусственного дыхания. Но я чувствовал, что Лако лжет. Всею виной был холодильник с двойными дверцами, стоявший напротив моего бывшего узилища, он-то и перегружал генератор, оставляя нас без света. Что спрятано в этом холодильнике? Кока-кола?

Зажегся свет. Лако наклонился к Эвелин, а мы с маленькой бейей поставили на место последнюю микросхему и закрыли верхнюю панель переводчика. Я дал бейе перегоревший предохранитель, и она, отойдя в уголок, принялась его изучать.

Лако позвал:

– Эвелин!

Она что-то пробормотала.

– Думаю, мы почти готовы, - сказал он. - Что ты хочешь от нее услышать?

Я достал микрофон, который можно было закрепить на пластиковом пологе над ее головой.

– О холодильнике, - начал я, чувствуя, что захожу слишком далеко. Как бы мне снова не оказаться в клетке. - Пусть она скажет что-нибудь, чтобы я мог настроиться. Например, свое имя. Что угодно.

– Эви, - произнес он неожиданно мягко. - У нас есть аппарат, который поможет тебе говорить. Я хочу, чтобы ты назвала свое имя. Она что-то произнесла, но прибор не уловил.

– Микрофон далеко, - заметил я.

Лако немного опустил полог, Эвелин снова что-то сказала; на этот раз прибор принял звук за помехи. Я покрутил ручки аппарата, но ничего не добился.

– Пусть попытается еще раз, ничего не ловится, - сказал я и нажал кнопку «запомнить», так что удержал звук и смог с ним работать, но все равно получался только шум. Мне пришло в голову, что бейя могла вставить что-нибудь задом наперед.

– Попробуй еще раз, Эвелин, - тихо произнес Лако и склонился к ней так низко, что едва ее не коснулся. Опять ничего связного - только шумы.

– Что-то не в порядке с аппаратом, - сказал я.

– Она не говорит «Эвелин», - отозвался Лако.

– А что?

Лако выпрямился и посмотрел на меня.

– Она говорит: «Записка».

Свет снова погас на несколько секунд, и я, изо всех сил стараясь не выдать своего волнения, ответил:

– Хорошо, годится и записка. Пусть повторит.

Свет зажегся, и тут лампочки на панели замигали, и голос, теперь похожий на женский, произнес: «Записка», а потом: «Сказать».

Наступила мертвая тишина. Было даже странно, что прибор не уловил моего дикого сердцебиения и не преобразовал его в слово «попался». Свет погас. Эвелин начала хрипеть, и хрип становился все сильнее.

– Ты не можешь перевести аппарат искусственного дыхания на батареи? - спросил я.

– Нет, - ответил Лако. - Сейчас принесу другой. - Он зажег фонарик, а затем в его свете - керосиновую лампу. Взял ее и вышел.

Как только вдалеке между ящиками исчезли колеблющиеся тени, я на ощупь приблизился к Эвелин и чуть не упал, споткнувшись о бейю, которая сидела, скрестив ноги, рядом с гамаком и сосала перегоревший предохранитель. Приказал ей:

– Принеси воды. - Потом придвинулся ближе к Эвелин, ориентируясь на ее хриплое дыхание. - Эвелин, это я, Джек. Я уже был здесь. Хрип прекратился, словно она затаила дыхание.

– Я отдал записку Санду. В собственные руки.

Эвелин что-то произнесла, но переводчик стоял слишком далеко, чтобы я мог понять слово. По звучанию оно напоминало «пошел».

– Вчера ночью я пошел отсюда прямо туда.

На этот раз было понятно, что она сказала: «Хорошо». Свет зажегся.

– Что было в записке, Эвелин?

– В какой записке? - внезапно отозвался Лако.

Он поставил аппарат искусственного дыхания рядом с гамаком. Я понял, почему он не хотел использовать этот прибор: его трубку надо ввести в гортань, и это не даст говорить.

– Что ты пыталась сказать, Эви? - спросил он.

– Записка. Санд. Хорошо.

– Все это бессмыслица, - вмешался я. - Может, она все еще под действием морфия? Задай ей вопрос, ответ на который ты знаешь.

– Эвелин, кто был с тобой в Спайни?

– Хауард. Каллендер. Борхард, - она на минуту замолчала, словно припоминая. - Бейя.

– Прекрасно. Можешь не называть остальных. Что вы делали, когда нашли сокровища?

– Ждали. Послали бейю. Ждали Санда.

– Вы входили в гробницу?

По тону было заметно, что Лако уже задавал эти вопросы, но на последнем его тон изменился, и я внимательно прислушался к ответу.

– Нет. - Голос слышался совершенно ясно. - Ждали Санда.

– Что ты пыталась мне сказать, Эвелин? Вчера... Ты все время хотела что-то сказать, а я не понимал. Теперь у нас есть переводчик. О чем ты хотела сообщить?

Что она скажет ему? «Не беспокойся, я нашла другого, чтобы выполнить поручение»? Мне приходило в голову, тогда и потом, что она не могла нас различить еще и потому, что уши ее тоже закрывали «соты» и все голоса для нее звучали одинаково. Но это, разумеется, было не так. Она точно понимала, с кем говорит, понимала до самого конца. Я затаил дыхание, рука застыла на выключателе. И думал: она может сообщить Лако, что я был здесь раньше. Но может и поведать мне, что было в записке.

– Что ты хотела рассказать о яде, Эвелин?

– Слишком поздно, - выговорила она. Лако обернулся.

– Я не понял, о чем она...

– Мне показалось, она говорит о сокровищах.

– Сокровища, - подхватила Эвелин. - Проклятие.

Дыхание ее выровнялось. Переводчик перестал его воспринимать. Лако выпрямился, опустил полог и сообщил:

– Уснула. Она никогда не остается долго в сознании после морфия. Наступил черед бейи: она схватила бутылку из-под колы с картонного ящика и протиснулась мимо Лако к

гамаку.

– Возможно, Эвелин права, - сказал он бесстрастно. - Может быть, это Проклятие.

Я тоже смотрел на бейю, готовую дать Эвелин воды, едва та очнется. Пробовал представить себе, как она будет выглядеть, когда заболит.

– Иногда я ловлю себя на мысли, что способен на все... - буркнул Лако.

– Ради чего?

– Думаю, я смог бы отравить бейю Санда, чтобы спасти сокровища. Это ведь похоже на Проклятие, правда? Желать чего-то столь сильно, чтобы не остановиться перед убийством?

– Да.

Бейя сунула в рот предохранитель.

– С тех пор, как я увидел сокровища... Я вскочил и гневно крикнул:

– Ты бы убил ни в чем не повинную бейю за какую-то проклятую голубую вазу? При том, что ты все равно получишь клад? Ты ведь можешь взять анализы крови, можешь доказать, что группа была отравлена. Комиссия решит дело в твою пользу.

– Комиссия закроет планету.

– Какая разница?

– Они уничтожат сокровища, - проговорил Лако, словно забыв о моем присутствии.

– Что ты несешь? Они не дадут Санду и его друзьям даже приблизиться к сокровищам. Будут следить, чтобы никто не повредил находку. Конечно, потянут время, но свою награду ты получишь.

– Ты их не видел, - сказал Лако. - Ты... - Он безнадежно махнул рукой. - Ты не понимаешь.

– Тогда, может, ты мне покажешь это несравненное богатство? - предложил я.

Он сгорбился и ответил:

– Ладно...

Я взыграл духом: сенсация обеспечена!

Он снова запер меня в клетку и пошел подключать Борхарда к аппарату искусственного дыхания. Я не попросил, чтобы он взял меня с собой. Я был знаком с Борхардом почти так же долго, как с Хауардом, но он нравился мне гораздо меньше. Однако такого конца я ему не желал.

Было около полудня. Солнце стояло почти над головой и припекало так, что едва не прожигало пластик палатки. Лако вернулся через полчаса; он выглядел еще хуже, чем раньше. Сел на ящик и спрятал лицо в ладонях. Проговорил:

– Борхард умер. Пока мы были с Эвелин, он умер.

– Выпусти меня, - взмолился я.

– У Борхарда имелаась теория относительно бейев. По поводу их любопытства. Он видел в этом Проклятие.

– Проклятие, - повторила бейя, сжавшаяся в комочек у стены.

– Выпусти меня из клетки, - повторил я.

– Он считал: когда пришли сугундули, бейям показались настолько любопытными эти существа, что они позволили пришельцам остаться. И сугундули поработили их. Борхард утверждал, что бейи были великим народом, обладали высокой культурой, пока не появились сугундули и не отобрали у них Колхиду.

– Выпусти меня из клетки, Лако.

Он наклонился и порылся в ящике, стоявшем рядом.

– Этого никак не могли сделать сугундули, - сказал он, вытряхивая что-то из упаковки. - Серебряная пряжа с керамическими бусинками, такими крохотными, что их можно рассмотреть только в микроскоп. Пришельцам отроду не сделать такого.

– Не сделать, - отозвался я.

Это не было похоже на бусинки, нанизанные на серебряные нити. Это напоминало облако, большое грозное облако в пустыне. Когда Лако стал поворачивать его в свете, проходившем через пластиковый потолок, оно заиграло розовым и зеленоватым.

Необыкновенная красота.

– Однако сугундули могут делать вот что, - сказал Лако, повернув пряжу другой стороной ко мне. Там она была сплющена и выглядела, как ровная серая масса. - Носильщик Санда уронил ее, когда выходил из гробницы.

Лако осторожно положил раритет в гнездо из пластикового пузырчатого материала, закрыл и заклеил лентой ящик. Подошел к моей клетке и сказал:

– Они закроют планету. Даже если удастся вырвать сокровища из рук Санда, Комиссии потребуется год или два года, чтобы принять решение.

– Выпусти меня, - еще раз повторил я.

Лако повернулся, открыл двойные дверцы холодильника и отступил на шаг, чтобы мне было видно содержимое.

– Электричество отключается то и дело. Иногда на несколько дней.

С момента, как я перехватил приказ Лако, меня не покидала уверенность, что происходит событие века. Кожей это ощущал. Так и оказалось.

В холодильнике была статуя девочки, почти ребенка. Лет двенадцати, не больше. Она сидела на стульчике чеканного серебра; платье белое с синим, длинная бахрома по подолу. Сидела, склонившись к задней стенке камеры, опустив одну руку и склонив голову на другую, словно сраженная горем. Лица я видеть не мог.

Черные волосы перетянуты той же материей, из которой было сделано серебряное облако, шею обнимает ожерелье из синих фаянсовых бусин, оправленных в серебро. Одна нога чуть выдвинута, и виден серебряный башмачок. Она была сделана из воска, белого и мягкого, как кожа, и я знал, что если бы она могла обратить ко мне печальный лик и взглянуть на меня, то я увидел бы лицо, о котором мечтал всю жизнь.

Я вцепился в проволочную сетку, едва дыша.

– Бейская цивилизация была весьма развитой, - пояснил Лако. - Искусство, науки, бальзамирование... - Я недоуменно поднял брови, а он улыбнулся. - Это не статуя. Перед нами бейская принцесса. Процесс бальзамирования превратил ткани в нечто, напоминающее воск. Гробница помещалась в пещере, где действовало естественное охлаждение, но нам пришлось привезти ее из Спайни сюда. Хауард послал меня вперед, чтобы разыскать оборудование, регулирующее температуру. Это все, что мне удалось найти. На бутылочной фабрике. - Лако приподнял сине-белую бахрому длинной юбки. - Мы не трогали ее до последнего дня. Слуги Санда стукнули ее о дверь гробницы, когда выносили, - закончил он.

Воск на ноге был ободран, обнажилась чуть ли не половина черной кости бедра.

Неудивительно, что первое слово, которое сказала мне Эвелин, было «быстро». Понятно, почему Лако только смеялся, когда я заверял, что Комиссия сумеет сохранить богатство. Расследование займет год, если не больше, мумия будет находиться здесь, а электричество то и дело выключается.

– Мы должны вывезти ее с планеты, - прохрипел я и вцепился в сетку - проволока едва не рассклала кожу.

– Да, - подтвердил Лако таким тоном, что я все понял.

– Санд не выпустит ее с Колхиды, - сказал я. - Побойтесь, что Комиссия отберет у него планету. - А я-то передал статью о Комиссии именно затем, чтобы его напутать... - Эти люди ничего не смогут сделать. Не решатся доверить Колхиду компании детишек, которые тащат в рот все, что ни попадя.

– Я знаю, - согласился Лако.

– Он отравил археологов, - сказал я и обернулся посмотреть на принцессу, на прекрасное лицо, которого до сих пор не видел и которое, наверное, омрачала древняя печаль.

Санд убил археологов, а когда вернется с севера со своим войском, то убьет и нас. И уничтожит принцессу.

– Где твой передатчик? - спросил я.

– У Санда.

– Значит, он знает, когда придет корабль. Мы должны увезти ее отсюда.
– Да, - согласился Лако. Выпустил из пальцев сине-белую бахрому и захлопнул дверцы холодильника.
– Выпусти меня из клетки, - сказал я. - Я тебе помогу. Что бы ты ни собрался делать, можешь на меня рассчитывать. Лако изучал меня долгим, пристальным взглядом.
– Хорошо, - наконец сказал он. - Но не сейчас.

Задолго до того, как Лако меня выпустил, стало темно. Он бродил по палатке. В первый раз вытащил лопату из кучи инструментов. Во второй раз открыл холодильник, чтобы достать ампулы для инъекций. В третий добыл откуда-то моток электрических проводов. Я в это время бесился в клетке.

В конце концов Лако смиловился и отпер клетку.

– Надо передвинуть холодильник, - сказал он. - Поставим к задней стене палатки, чтобы погрузить на корабль сразу же после приземления.

Я подошел к электрическим кабелям и принялся распутывать их, не спрашивая Лако, откуда они взялись. Один из них был похож на провод от аппарата искусственного дыхания Эвелин. Мы соединили их все в длинный шнур, и Лако отключил холодильник. При этом, зная, что он всего-навсего собирается присоединить к холодильнику длинный провод и снова включить его, что вся процедура займет не больше тридцати секунд, я изо всех сил вцепился в этот провод. Лако осторожно включил холодильник, опасаясь, что от этого вырубится свет, но лампы даже не мигнули.

Правда, свет слегка потускнел, когда мы с двух сторон подняли холодильник и потащили. Ноша оказалась легче, чем я предполагал. Когда мы пронесли холодильник через ближний ряд ящиков, я понял, чем занимался Лако без меня. Он передвинул столько контейнеров, сколько сумел, на восточную сторону палатки, выстроил их у стенки, оставив проход, достаточно широкий, чтобы пронести холодильник, и расчистил для него место. Еще он провел туда свет. Удлинителя не хватило, и нам пришлось поставить холодильник в нескольких метрах от стенки палатки - впрочем, довольно близко. Только бы корабль прилетел вовремя.

– Санд уже здесь? - спросил я.

Лако направился в центр палатки; я стоял и раздумывал, стоит ли идти за ним. Не хотелось снова сидеть в клетке и в конечном счете стать легкой добычей воинов Санда. Лако остановился и спросил:

– У тебя есть магнитофон? - Он смотрел на меня в упор.

– Нет, - ответил я.

– Мне нужно, чтобы ты записал свидетельские показания Эвелин, - объяснил он. - Они понадобятся, если того потребует Комиссия.

– У меня нет магнитофона, - повторил я.

– Я не стану больше запира́ть тебя, - пообещал Лако. Сунул руку в карман и бросил мне висячий замок от клетки. - Если не доверишь мне, можешь отдать это бейе Эвелин.

– На переводчике есть кнопка записи, - сознался я. И мы пошли к Эвелин. Она сказала, что это было Проклятие, и я ей не поверил. И тогда появился Санд.

Казалось, Лако не беспокоило то, что Санд разбил лагерь на горном хребте прямо над нами.

– Я вывернул все лампочки, - сказал он, - и они не могут увидеть, что здесь делается. К тому же я положил на крышу брезент. - Он сидел спиной ко мне рядом с Эвелин. - У них есть фонари, но воины не отважатся спускаться с хребта ночью.

– А что будет, когда взойдет солнце? - спросил я.

– Думаю, корабль уже на подходе, - ответил Лако. - Включай магнитофон. - Он наклонился к Эвелин и сказал: - Эвелин, теперь у нас есть магнитофон. Ты должна рассказать, что случилось. Ты можешь говорить?

– Последний день, - сказала Эвелин.

– Да, - подтвердил Лако. - Сегодня последний день. Завтра утром прибудет корабль и заберет нас домой. Мы отвезем тебя к врачу.

– Последний день, - повторила она. - В гробнице. Выносили принцессу. Холодно.

– Я не расслышал последнее слово, - сказал Лако.

– Похоже, «холодно», - сообщил я.

– В гробнице было холодно, да, Эви? Ты это хочешь сказать? Она попыталась покачать головой.

– Кола, - сказала она. - Санд. Там. Наверное, хотели пить. Кола.

– Санд угощал вас колой? Кола была отравлена? Он таким образом отравил всю группу?

– Да, - сказала она, и ее «да» прозвучало, как вздох, словно именно это она все время пыталась нам сказать.

– Какой яд, Эвелин?

– Кро...

Лако бросил на меня быстрый взгляд.

– Она сказала «кровь»?

Я покачал головой и посоветовал:

– Спроси еще раз.

– Кровь, - отчетливо произнесла Эвелин. - Хран...

– О чем она говорит? - спросил я. - Укус кхрана не может убить. От этого даже не заболеешь.

– Да, - ответил Лако, - если это один укус. Вопрос в дозе. Я видел нечто подобное - замещение структуры клеток, мумификация. В древности бейи употребляли концентрированную кровь, зараженную кхранами, для бальзамирования трупов. «Берегись Проклятия королей и кхранов». Как по-твоему, Санд сам додумался до этого?

Может быть, и нет, размышлял я. Возможно, он всегда владел этим ядом. Может, его предки, высадившись на Колхиде, были так же любознательны, как и бейи, у которых они собирались отнять планету. «Покажите, как происходит процесс бальзамирования», - могли попросить они, а потом, осознав, какие выгоды это сулит, сказали умнейшему из бейев, совсем как Санд сказал Хауарду, и Эвелин, и остальным археологам: «Выпей колы. Ты ведь хочешь пить».

Я подумал о прекрасной принцессе. И об Эвелин. И о бейе Эвелин, которая сидела перед керосиновой лампой, ни о чем не подозревая.

– Это заразно? - был мой последний вопрос. - Кровь Эвелин тоже ядовита?

Лако заморгал, будто не сразу понял, о чем я спрашиваю.

– Думаю, только если ее выпить, - сказал он через минуту. Посмотрел на лежащую Эвелин. - Она просила меня отравить бейю. Но я не сумел понять как следует. Это было до того, как ты появился здесь с переводчиком.

– Ты бы сделал это? - спросил я. - Если бы знал, какой это яд, знал, что ее кровь ядовита, ты бы убил бейю, чтобы спасти сокровища?

Лако не слушал меня. Он смотрел вверх, на кусок крыши, не прикрытый брезентом. Рассеянно спросил:

– Уже светает?

– Только через час.

– Нет, - после паузы сказал Лако. - Я бы совершил все, что угодно, только не это. - В его голосе была такая тоска, что я почти не услышал слов.

Он сделал Эвелин еще укол и погасил лампу. Спустя несколько минут сказал:

– Осталось еще три дозы. Утром введу Эвелин все, что осталось. Я подумал, что, наверное, он смотрит на меня так же, как тогда, когда я сидел в клетке - прикидывая, можно ли мне довериться.

– Это убьет ее? - спросил я.

– Надеюсь, да. Мы не сумеем ее увезти. Никак не сумеем.
– Понимаю, - сказал я, и мы долго сидели в темноте и молчали.
– Два дня, - произнес он наконец, и в голосе звучала все та же тоска. - Инкубационный период длился только два дня.

Потом мы сидели молча, дожидаясь, пока взойдет солнце.

Когда оно взошло, Лако отвел меня в бывшую комнату Хауарда, где в пластиковой стене, выходящей на горный хребет, было прорезано окошко с клапаном, и я увидел, что он сделал. Воины Санда выстроились на вершине хребта. Они были так далеко, что я не мог разглядеть «клубки змей» на их лицах, но знал, что они смотрят вниз, на палатку и на землю перед ней, где были в ряд уложены трупы.

– Давно они там лежат? - спросил я.

– Со вчерашнего вечера. Я это сделал после того, как умер Борхард.

– Ты выкопал Хауарда?

Хауард лежал ближе всех. Он был не так страшен, как я предполагал. Наросты почти незаметны, и хотя кожа была воскообразной и мягкой, как на скулах Эвелин, он казался почти таким же, каким я его помнил. Причиной тому было солнце. Хауард слегка сплавился.

– Да, - сказал Лако. - Санд использовал яд, но остальные сугундули ничего не знают. Они ни за что не перешагнут через трупы, опасаясь заразы.

– Он им объяснит.

– А ты бы поверил? - спросил Лако. - Перешел бы ты эту линию, если бы Санд сказал, что тебе нечего опасаться инфекции? На горном хребте что-то вспыхнуло.

– Они стреляют в нас? - спросил я.

– Нет, - ответил Лако. - Главная бейя Санда держит в руках какой-то блестящий предмет, и на него падает солнечный свет.

Это была знакомая бейя из лагеря. Она вертела в пальцах мою корреспондентскую карточку, ловя солнечные лучи.

– Раньше этой бейи здесь не было, - сказал Лако. - Санд, очевидно, хотел продемонстрировать воинам, что она совершенно здорова.

– Как бы она могла заразиться? Мне казалось, что с археологами все время была бейя Эвелин. Он нахмурился.

– Бейя Эвелин близко не подходила к Спайни. Это служанка, которую Санд уступил Эвелин. Разве могла она стать личной представительницей Санда? - Лако недоуменно посмотрел на меня. - Неужели ты думаешь, Санд подпустил бы нас к своей бейе после того, как мы выторговали несколько дней отсрочки? Да он бы ни за что не поверил, что мы не отравим ее, как он отравил нашу группу. Запер ее покрепче в своем лагере и отправился на север, - с горечью добавил он.

– А Эвелин знала это, - сказал я. - Знала, что Санд уехал на север и оставил бейю здесь. Ведь так?

Лако не ответил. Он наблюдал за бейей. Санд дал ей что-то похожее на ведро, бейя сунула мою карточку в рот, чтобы обе руки были свободны. Санд сказал ей что-то, и она начала спускаться с хребта, по пути расплескивая из ведра жидкость. Он оставлял бейю в лагере под охраной, но ее стражи разбежались, как и стражи палатки, а любопытная бейя в состоянии открыть любой замок.

– Она не похожа на больную, правда? - невесело спросил Лако. - А наша неделя на исходе. Вся группа заболела через два дня.

– Два, - повторил я. - Эвелин знала, что Санд оставил бейю здесь?

– Да. - Лако не сводил глаз с хребта. - Я ей говорил.

Маленькая бейя уже спустилась с горы и шла по котловине. Санд что-то крикнул, и она побежала. Ведро билось о ее ноги, жидкость расплескивалась все сильнее. Дойдя до ряда тел, она остановилась и обернулась. Санд снова закричал. Он был далеко, но горы усиливали голос. Я слышал его совершенно отчетливо.

– Лей! - крикнул он.

И маленькая бейя, наклонив ведро, пошла вдоль ряда.

– Керосин, - произнес Лако без всякого выражения в голосе. - Она подожжет его.

Часть жидкости проливалась на землю, но на бейю ничего не попало, чему я был рад. Хауарду досталось лишь несколько капель. Бейя бросила ведро и вприпрыжку побежала обратно, на секунду остановилась, обернувшись, взмахнула рукой.

Тело Борхарда занялось, запылало желтым пламенем, словно свеча.

Лако даже не заметил, как я исчез.

Я почти бежал к Эвелин, ориентируясь по электрическим проводам. Бейя исчезла. Я включил переводчик, отдернул полог и спросил:

– Что было в записке?

Ее дыхание оказалось настолько громким, что переводчик не смог уловить ничего, кроме хрипа. Глаза женщины были закрыты.

– Ты знала, что Санд уже отправился на север, когда послала меня в лагерь, правда?

Переводчик ловил мой собственный голос и эхом возвращал его.

– Ты ведь знала: я солгал, когда сказал тебе, что передал записку Санду. Но тебе было все равно. Потому что записка предназначалась не ему. Она предназначалась бейе.

Эвелин что-то произнесла. Переводчик не сумел уловить это, но я и так знал, что было сказано. Она сказала «да», и я почувствовал внезапное желание ударить ее и посмотреть, как восковые щеки сплющатся и прилипнут к черепу.

– Ты знала, что она сунет записку в рот? Эвелин открыла глаза.

– Да.

Снаружи глухо ревело пламя.

– Ты убила ее, - сказал я.

– Должна была. Чтобы спасти сокровище, - выговорила она. - Мне жаль. Проклятие.

– Нет никакого Проклятия, - возразил я, изо всех сил сцепив руки за спиной, чтобы не ударить ее. - Ты придумала эту историю с Проклятием, чтобы обмануть меня, пока яд не начнет действовать, правда?

Она закашлялась. Бейя протиснулась между мной и гамаком, держа в руках бутылку колы. Вставила трубочку в рот Эвелин и, приподняв ей голову, поддержала, чтобы Эвелин могла напиться.

– Ты убила бы и собственную бейю, если бы понадобилось, разве не так? - крикнул я. - Из-за сокровищ. Из-за проклятых сокровищ!

– Проклятие, - произнесла Эвелин.

– Корабль здесь, - слышался за моей спиной голос Лако. - Но нам не прорваться. Остался только Хауард. Они еще раз послали бейю вниз с керосином.

Я выключил переводчик. Вытащил из кармана нож и прорезал стенку палатки за гамаком Эвелин. Бейя Эвелин вскочила на ноги и подошла к нам. Бейя Санда прошла уже полпути по котловине, неся ведро. В этот раз она шла медленнее, и керосин не выплескивался. Наверху, на гребне, воины Санда неспешно двинулись вперед.

– Мы сумеем погрузить сокровища, - сказал я. - Эвелин об этом позаботилась.

Бейя подошла к трупам. Наклонила ведро над Хауардом, затем как будто передумала и опустила на землю. Санд что-то крикнул. Она взялась за ручку ведра, снова ее выпустила и упала.

– Видишь, - сказал я. - Все-таки это вирус. Бейя издала какой-то звук, похожий на прерывистый вздох. Воины Санда отступили от края гребня.

Люди с корабля оказались в палатке прежде, чем мы успели отойти от щели. Лако показал им на ближайшие контейнеры, они принялись таскать их, не задавая вопросов. Мы с Лако подняли холодильник со всей осторожностью - словно боясь повредить ноги принцессы - и понесли его к грузовому отсеку.

Капитан велел остальным членам команды нам помочь.

– Быстро! - приказал он. - Они тащат какое-то оружие на гору. Мы торопились. Мы вытаскивали ящики наружу, команда уносила их быстрее, чем бейя Эвелин успела бы выпить бутылку колы, и все же недостаточно быстро. Раздался легкий свист, что-то плеснуло сверху на купол, и через пластик потекла жидкость.

– Он пустил в ход керосиновую пушку, - сказал Лако. - Голубую вазу вынесли?

– Где бейя Эвелин? - крикнул я и бросился в комнату.

Ткань полога уже почернела, сквозь нее, как острие ножа, блеснул огонь. Маленькая бейя прижималась к другой стене так же, как при нашей первой встрече, и не сводила глаз с огня. Схватив ее в охапку, я бросился к центру палатки.

Пройти было невозможно. Ящики, стоявшие вдоль стенок, превратились в стену огня. Я снова кинулся в комнату Эвелин. Увидел, что нам не выбраться, но сразу вспомнил про щель, которую прорезал в стенке палатки. Зажал бейе рот, чтобы она не дышала дымом горящего пластика, сам задержал дыхание и двинулся мимо гамака к щели.

Эвелин все еще была жива.

Я не слышал хрипов из-за рева огня, но видел, как поднималась и опускалась ее грудь, прежде чем Эвелин начала таять. Лежа на боку в тлеющем гамаке, она повернула лицо в мою сторону, как если бы услышала мои шаги. Наросты на лице расплылись и разгладились, затем исчезли из-за жара, и на мгновение я увидел ее такой, какой она, наверное, была раньше, - красавицей, о которой говорил Брэдстрит, той, кому Санд отдал собственную бейю. Лицо, обращенное ко мне, было тем лицом, о котором я мечтал всю жизнь. Но увидел его слишком поздно.

Она оплывала, как свеча, а я стоял и смотрел на нее, и к тому времени, когда она умерла, провалившаяся крыша погребла Лако и двух членов команды. Голубую вазу разбили при последнем безумном рывке к кораблю, когда пытались перетащить остатки сокровищ.

Но принцессу мы спасли. А я написал свой репортаж.

Репортаж века. Во всяком случае, именно так назвал его шеф Брэдстрита, когда увольнял его. Мой шеф заказывает мне по сорок столбцов в день. Я столько и пишу.

Это прекрасные заметки. В них Эвелин - красавица-жертва, а Лако - герой. Я тоже герой. Как-никак, помог спасти сокровища. В репортажах, которые я строчу, нет ни слова о том, что Лако выкопал Хауарда и использовал его тело для защиты, или о том, что я обрек группу Лиси на смерть. В моей версии есть только один злодей.

Я посылаю по сорок столбцов в день и пытаюсь сложить голубую вазу, а в свободное время записываю эту историю. Правда, ее я не пошлю никуда.

Бейя играет со светом.

Наша каюта снабжена чувствительной к движению воздуха системой переключения электричества. Лампы зажигаются и меркнут в зависимости от передвижений человека. Бейе не надоедает играть с ними. Она даже не мешает мне складывать голубую вазу и ничего не пробует на зуб.

Кстати, я догадался, каково назначение этой вазы. И трубочки, выгравированной на ней. Я складываю из фрагментов бутылку колы тысячелетней давности. «Вот, возьми. Ты ведь хочешь пить».

Возможно, бейская цивилизация была чудесной, но задолго до того, как туда явились предки Санда, они давали яд принцессам. Они убили и эту; она знала, что происходит, и потому ее голова склонена в таком отчаянии. Ради чего ее убили? Ради сокровищ? Ради планеты? Ради репортажа? И неужели никто не пытался спасти ее?

Первые слова Эвелин, обращенные ко мне, были: «Помоги мне». Что, если бы я сделал это? Что, если бы, плюнув на репортаж, я связался с Брэдстритом, послал его за доктором и велел вывезти всю группу? А пока он был еще в пути, послал бы сообщение Санду: «Принцесса будет твоей, если ты дашь нам улететь с планеты»? А потом подключил к гортани Эвелин аппарат искусственного дыхания, который помешал бы ей говорить, но, возможно, сохранил ее жизнь до тех пор, пока не пришел корабль?

Мне хочется думать, что я бы сделал это, если бы знал ее раньше, если бы не было «слишком поздно» - по ее собственным словам. Но не знаю. Санд был влюблен в нее до такой степени, что отдал ей свою собственную бейю, но потом, явившись в гробницу, предложил ей яд в бутылке из-под колы. И Лако знал Эвелин, но он вернулся и погиб не из-за нее, а из-за сокровища.

– Это было Проклятие, - говорю я.

Бейя Эвелин медленно идет по комнате, и свет то становится ярче, то тускнеет по мере ее передвижения.

– Все, - говорит она и садится на койку. Над кроватью зажигается ночник.

– Что «все»? - спрашиваю я и жалею, что при мне нет переводчика.

– Все прокляты, - говорит она. - Ты. Я. Все.

Она скрещивает на груди руки, которые всегда выглядят грязными, и ложится на кровать. Свет выключается. Совсем как в прежние времена.

Через минуту ей надоест лежать, и она вскочит, а я снова примусь складывать фрагменты голубой вазы.

«Все прокляты». Даже группа Лиси. Потому что из-за моего передатчика Санд решил, что они помогали мне увезти сокровища с Колхиды. Сжег археологов живьем в пещере, где они вели раскопки. Не сумел убить одного Брэдстрита, потому что «Ласточка» сломалась на полпути к Спайни. Когда Брэдстрит туда прибыл, на Колхиде уже высалилась Комиссия, и его уволили, а потом его нанял мой шеф писать репортажи о заседаниях. Санда арестовали за поджог палатки. Остальные сугундули сидят на слушаниях Комиссии, но бейи, судя по репортажам Брэдстрита, обращают на них мало внимания. Они гораздо больше интересуются судебскими париками членов Комиссии.

К этому времени бейи уже успели украсть четыре парика.

Бывшая бейя Эвелин встает и опять плюхается на кровать, пытаюсь заставить свет мигать. Ей совершенно неинтересна история, которую я пишу, эта повесть об убийстве, яде и других Проклятиях, жертвой которых становятся люди. Возможно, ее народ навидался этого достаточно в древние времена. Возможно, Борхард был не прав, и сугундули вовсе не отняли у них Колхиду. Может быть, едва те приземлились, бейи сказали: «Вот. Возьмите ее. Быстро».

Она заснула. Я слышу ее легкое ровное дыхание. Во всяком случае, она-то не проклята.

Я спас ее и спас принцессу, хотя и с опозданием на тысячу лет. Поэтому, хочется надеяться, Проклятие овладело мной не до конца. Но через несколько минут я включу свет и окончу этот рассказ, а затем упрячу в надежное место. Вроде гробницы. Или холодильника.

Почему? Неужели потому, что Проклятие королей окружает меня, как клетка, висит надо мною, как паутина электрических проводов?

– Проклятие королей, - бормочу я, и моя бейя сползает с кровати, выходит из каюты, чтобы принести мне воды в неизменной бутылке из-под колы, словно я и есть ее новый пациент, который лежит, расставаясь с жизнью, под пластиковым пологом.

Перевела с английского

Валентина КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА